

М. А. Очир-Горяева

КОЧЕВОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В СТЕПНОЙ ЗОНЕ ЕВРАЗИИ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ АРХЕОЛОГОВ*

doi: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-6-16

УДК 903'15

ББК 63.4-6

В статье проведен критический анализ наиболее распространенных штампов в представлениях археологов о кочевниках евразийских степей и кочевом образе жизни. При интерпретации археологических памятников ученые увлекаются романтическим, необъективным восприятием кочевого быта, акцентируя внимание на отдельных «экзотичных» чертах. К их числу относится постулат о кургане как о верном признаке кочевого образа жизни. Автором приведены факты возведения курганов оседлым населением, причем не только в степи, но и в других ландшафтных зонах. Обращено внимание на неправильное представление о последовательно-совместном выпасе скота в экстремальных условиях как о регулярном явлении в зимний период. В степной зоне Евразии узкоспециализированное кочевничество могло существовать только при наличии развитой системы центров оседлости, появившихся лишь в раннем железном веке. В силу этого в эпоху бронзы население степей могло вести только комплексное натуральное хозяйство и оседлый образ жизни, что подтверждается в последние годы результатами изотопных анализов. Крестьянскую колонизацию степей юга России в доиндустриальную эпоху автор рассматривает как наглядный пример того, что природно-климатические условия степи позволяют вести комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство и оседлый образ жизни.

Ключевые слова: *степи Евразии, бронзовый век, кочевники, поселения, оседлое население, курганы, лошади*

Проблемы реконструкции типа хозяйства и образа жизни древнего населения являются наиболее дискуссионными в археологии. Для памятников степной зоны Евразии они приобретает особую остроту в связи с тем, что здесь споры ведутся не только о деталях или особенностях, здесь решается принципиальный вопрос об оседлом или кочевом образе жизни. Именно на этом тернистом пути исследователей часто вводят в заблуждение устоявшиеся идеи, превратившиеся в постулаты и штампы. В этом плане актуально критически рассмотреть некоторые представления современных археологов о кочевом образе жизни в степной зоне Евразии с эпохи бронзы до средневековья.

«Блеск и нищета» кочевников. В археологической литературе, как отечественной, так и западной, наблюдается некий крен в сторо-

ну идеализации кочевого образа жизни, часто высказывается мнение об его экономическом преимуществе по сравнению с оседлым. Истоки такого представления были подготовлены рядом работ исследователей кочевников раннего железного века.¹ В статьях проводилась мысль о постепенном созревании причин перехода к кочевому скотоводству в недрах оседлых культур эпохи бронзы, о преимуществе кочевого скотоводства, способствовавшего быстрому обмену культурными достижениями, по сравнению с комплексным пастушеско-земледельческим хозяйством; утверждалось, что кочевое скотоводство приносит «неизмеримо большее количество прибавочного продукта»,² что переход к системе ежегодных переселений «значительно расширил кормовую базу для скота», поэтому стало возможным «почти безгранично увеличивать стада», что «в свое время это был прогрессивный способ добывания материальных благ жизни».³ В середине 1970-х гг. вышли в свет монографии Н. Я. Мерперта и В. П. Шилова, в которых

Очир-Горяева Мария Александровна — д.и.н., в.н.с., Калмыцкий научный Центр РАН (г. Элиста); с.н.с., Институт археологии АН РТ (г. Казань)
E-mail: mariaochir@gmail.com

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации АААА-А17-117030910096-7) и в рамках госзадания «Стратегия развития Института археологии им. А. Х. Халикова (2016–2020)», по теме «Особенности культурной адаптации населения степной зоны Евразии в эпоху ранних и средневековых кочевников»

¹ См.: Грязнов М. П. Некоторые вопросы сложения и развития ранних кочевников Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. М., 1955. Вып. 24. С. 19–29; Черников С. С. О термине «ранние кочевники» // КСИИМК. М., 1960. Вып. 80. С. 17–21.

² Черников С. С. Указ. соч. С. 20.

³ Грязнов М. П. Указ. соч. С. 20, 25.

они отбросили идею предшественников о постепенном созревании кочевничества в недрах оседлых культур эпохи бронзы и удревнили кочевой образ жизни в восточноевропейских степях, причислив носителей катакомбной и ямной культур к древним кочевникам.⁴ Активным популяризатором идеи о номадах бронзового века является Н. И. Шишлина. Она пошла дальше, удревнив кочевников еще на одну эпоху, отнеся к ним и население эпохи энеолита (4200–600 гг. до н. э.).⁵ Кочевничество населения эпохи бронзы восточноевропейских степей сегодня воспринимается в археологической литературе чаще всего как факт само собой разумеющийся. Укоренившиеся представления привели к далеко идущим выводам, таким как утверждение, что группы ямной культуры из понто-каспийско-уральских степей «прокочевали» сквозь тысячеклометровые лесные чащи, достигли Северной и Центральной Европы и распространили там индоевропейский язык.⁶ В качестве аргументов приводились следующие детали: раз не была освоена верховая езда, то перемещались пешком и на бычьих повозках; в путь отправились только молодые мужчины, которые мирными (заключение браков с местными женщинами) и немирными (изнасилование) способами заставили все население перейти на индоевропейский язык. Это не усилило, а ослабило попытку объяснить выявленные генетиками одинаковые галогруппы в геноме древнего населения и вызвало критику со стороны археологов.⁷

Кочевничество являлось доведенной до совершенства системой технологий, обеспечива-

ющей выживание как животных, так и людей в суровом, резко континентальном климате. Но оно было экстенсивным, т. е. не создавало прибавочного продукта, и узкоспециализированным. Оно было «заточено» только на выращивание скота и использовании и обработке продуктов животноводства. Любой «прибавочный» продукт достигался кочевниками иным, также экстенсивным, путем, который приводил к кратковременному обогащению, но не обеспечивал им устойчивого и долгосрочного развития.

Классические кочевники скифо-сарматского времени, как показало наше исследование, достигали процветания только в регионах с развитой системой оседлости. Нами были рассмотрены поселения и погребальные памятники скифской эпохи степного пояса Евразии: степей Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, степных долин Семиречья, Ишимских и Кулундинских степей (сакская культура), степных долин Горного Алтая (пазырыкская культура) и Саянского нагорья (уюкско-саглынская культура). Северное Причерноморье и Семиречье выделяются наибольшей концентрацией элитных погребальных комплексов царского ранга. Именно в этих регионах выявлено и изучено наибольшее количество поселений синхронного времени, расположенных в виде развитой системы.⁸ Ярким примером служат скифы степей Северного Причерноморья, достигшие в короткий период (с конца V в. до н. э. до начала III в. до н. э.) необычайного богатства. По подсчетам Б. Н. Мозолевого, выделялось 23 кургана царского ранга⁹ и более 40 курганов знати, которые он разделил на четыре категории по высоте курганов (от 3 до 21 м). Предполагается, что сокровища скифов были получены в результате торговли зерном и рабами, но существует мнение, что главным источником столь резкого и недолговременного процветания было прежде всего дань греческих городов-колоний.¹⁰

Такую же схему обогащения саков установила К. Чанг: они контролировали торговые пути, что логически предполагает вымогание

⁴ См.: Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975; Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

⁵ См.: Шишлина Н. И. Потенциальный сезонно-экономический цикл носителей катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия: проблема реконструкции // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. М., 2000. Вып. 120. С. 13, 14; Shishlina N. I. Reconstruction of the Bronze Age of the Caspian steppes. Life styles and life ways of pastoral nomads // BAR 1876. Oxford, 2008; Инновационные сезонные миграции и система жизнеобеспечения подвижных скотоводов в пустынно-степной зоне Евразии: роль социальных групп / Шишлина Н. И. [и др.] // Stratum plus. 2018. № 2. С. 69–91.

⁶ См.: Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe / Haak W. [et al.] // Nature. 2015. Vol. 522. P. 207–211.

⁷ См.: Discussion: Are the Origin of Indo-European Languages Explained by the Migration of the Yamnaya Culture to the West / Klein L. [et al.] // European Journal of Archaeology. 2018. Vol. 21, iss. 1. P. 3–17; Heyd V. Kossina's Smile // Antiquity. 2017. Vol. 91, iss. 356. P. 348–359; 22nd Annual Meeting of the EAA. Discussion. Th-5-17. Archaeology, Language and Genetic: in Search of the Indo-Europeans. Vilnius, 2016.

⁸ См.: Очир-Горяева М. А. Поселения степной зоны Евразии скифской эпохи // Актуальные вопросы археологии и этнографии Центральной Азии: материалы междунар. конф. Иркутск, 2015. С. 265–275.

⁹ См.: Мозолевский Б. М. Товста Могила. Київ, 1979. С. 152, табл. 4.

¹⁰ См.: Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV века до н. э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев, 2005. С. 424–427.

пошлины под угрозой полного разграбления. Контроль торговых путей и развитие сельских и урбанистических поселений в конце сакского времени привели к накоплению у элиты сакского общества огромного богатства.¹¹

Наемничество было еще одним путем добычи «прибавочного продукта» для кочевников. Это явление хорошо изучено в исторической науке. В отношении сарматов такая интерпретация остается малоразработанной. Возьмем для примера археологические памятники последних веков до н. э. на территории Центрального Предкавказья. На основе частых упоминаний сарматов в письменных источниках, археологами рисуется картина их завоеваний и владычества в указанном регионе. При этом упускается из виду, что эта реконструкция входит в противоречие с разбросанностью и немногочисленностью подкурганых погребений, приписываемых сарматам,¹² с одной стороны, и впечатляющими размерами, плотностью расположения местных позднекобанских поселений — центров торговли, ремесла и пашенного земледелия — с другой. Наиболее крупные городища расположены плотно один к другому в лесах вокруг современного Ставрополя, а также по всему Центральному Предкавказью.¹³ Ситуация во второй половине I тыс. до н. э. в этом регионе аналогична соотношению меотской и сиракской культур в Прикубанье, где на основании наличия 50–60 сиракских погребений реконструируется их доминирование в союзе с меотами, памятники которых исчисляются тысячами.¹⁴ Учи-

тывая развитой экономический ресурс населения Предкавказья и Прикубанья, логично предположить, что упоминания сарматских племен в письменных источниках отражают их роль наемных/союзнических подразделений, а не покорителей и правителей густонаселенных крупных регионов с богатейшими природными ресурсами, расположенных на стратегических путях.¹⁵ Стабильное экономическое положение и изобилие прибавочного продукта позволяли местному населению использовать наемные подразделения из степи для защиты и продвижения своих интересов в регионе путем военных действий, не рискуя при этом собственной жизнью. В этот же период на исконных сарматских территориях в волго-уральских степях не появились ни центры власти в виде резиденций властителей Центрального Предкавказья, ни ремесленные и торговые поселения или иные проявления политического и экономического могущества над богатыми регионами. За исключением единичных элитных богатых погребений, сарматы оставили после себя небольшие по размерам курганы в основном со скромным инвентарем, среди которого сероглиняные миски и кувшины — импорт из «завоеванных регионов» — были часто единственными предметами роскоши.

Именно такую роль играли в XVII–XVIII вв. на юге восточноевропейских степей калмыки, участвуя не только во всех военных кампаниях Российского государства, но и на стороне их противников: в восстании Степана Разина и в мятежах башкирского народа.¹⁶ Участие в военных операциях за пределами своих территорий истощало людские и экономические ресурсы кочевников, принося славу и богатство только амбициозным военным предводителям. Степняки возвращались из победоносных походов в сухие степи, в буквальном смысле к «своим баранам», радуясь тому, что привезли с собой в качестве добычи из процветающих краев. На мой взгляд, идею о владычестве кочевников-сарматов над богатыми, плотно заселенными регионами, такими как Центральный Предкавказье и Прикубанье, породил устоявшийся штамп о непобедимости кочевых

¹¹ См.: The Evolution of Steppe Communities from the Bronze Age to Medieval Periods in Southern Kazakhstan (Zhetysay). (The Kazakh-American Talgar Project 1994–2001) / Chang C., Tournellotte P., Vaipakov K. M., Grigoriev F. P. Sweet Briar; Almaty, 2002. P. 89, 90.

¹² См.: Бабенко В. А., Березин Я. Б. Сарматские погребения могильников Айгурский 2 и Барханчак 2 (Северное Ставрополье) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Т. 9. С. 279–320; Березин Я. Б. Сарматские погребения с территории Пятигорья (по материалам раскопок ГУП «Наследие») // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2007. Вып. 8. С. 67–100; Он же. Сарматские погребения на территории Среднего Притеречья (по материалам раскопок 1980-х гг.) // Археологический журнал. Армавир, 2010. № 3/4. С. 32–50; Березин Я. Б., Ростунов Е. В. Сарматские захоронения Кобийского могильника // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2011. Вып. 12. С. 60–107; Березин Я. Б. Стечение обстоятельств или трагедия? (об одной любопытной детали погребального обряда) // Там же. 2012. Вып. 13. С. 48–60.

¹³ См.: Прокопенко Ю. А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь, 2014. Ч. 2. С. 3–34.

¹⁴ См.: Берлизов Н. Е. О существовании меото-сиракской племенной группы // Проблемы отечественной истории и археологии. 2014. № 2 (53). С. 72–75; Шевченко Н. Ф. Племена Восточного Приазовья на рубеже эр. Ростов-н/Д, 2013.

¹⁵ См.: Багаев М. Х. Место ландшафта Кавказа в истории автохтонов и кочевников // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004. С. 23–31.

¹⁶ См.: История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста, 2009. С. 377–385.

орд и их владычестве везде, где бы они ни появились. Здесь акцентируется внимание на одной черте кочевой культуры — на ее воинственности — и не учитываются причины и цена этой воинственности в условиях отсутствия стабильного экономического развития.

По определению А. М. Хазанова, длительные тесные контакты кочевников и оседлого населения приводили к их интеграции в единую социально-политическую и экономическую систему, без которой было немислимо процветание кочевников.¹⁷ Согласно разработкам Н. Н. Крадина, даже социальная структура кочевников находилась в прямой зависимости от оседлого населения: если социальная организация последнего была сложной, то и у кочевников появлялись подобные институты власти.¹⁸

С учетом указанных выше моментов становится очевидным, что до появления развитой системы оседлости, т. е. до скифской эпохи и средневековья в степной зоне, ведение узкоспециализированного кочевого хозяйства было невозможным, поскольку оно нуждалось в рынках сбыта, где бы в обмен на скот кочевники могли приобрести необходимые товары для мирной и военной жизни. Наемничество, вымогание дани и контроль торговых путей были характерными для кочевников методами приобщения к благам цивилизации.

К такому же выводу пришли в свое время Л. Н. Корякова и А. В. Епимахов, указывая, что классические кочевники не могли существовать без «симбиоза» с оседлым окружением, способным обеспечивать их товарами. Условия для подобного «симбиоза» складываются в раннем железном веке, для более ранних эпох — энеолита и бронзового века — таких данных нет. Авторы считают, что правы те исследователи, которые относят возникновение кочевничества в евразийских степях к I тыс. до н. э.¹⁹

Евразийское кочевое скотоводство надо рассматривать как достижение, приведшее к узкой экономической специализации, обеспечившей выживание и развитие в критических условиях, но только на определенном историческом этапе — от эпохи раннего железа до средневековья. Эпоха нового времени, когда

индустриализация и технический прогресс теснили кочевников территориально и подавляли экономическим превосходством, является этапом кризиса кочевого хозяйства и базировавшихся на них обществ.²⁰

Комплексное натуральное хозяйство. При чтении работ о кочевом образе жизни в эпоху бронзы складывается впечатление, что скот выращивали только скотоводы-кочевники, а жители других географических зон были вегетарианцами. При этом упускается из виду, что домашний скот как пищевой ресурс был важен и для оседлого населения: он выпасался на пастбищах под присмотром пастухов, т. е. пастушество было частью его экономики.

Что же касается населения степи бронзового века, то распространено устойчивое представление, что оно питалось только продуктами животноводства. Между тем накапливаются данные о широком спектре продуктов питания скотоводов бронзового века. По степной зоне Казахстана эти данные из десятков статей сведены в работе Д. Покутты. Изотопные анализы указывают на то, что степняки-скотоводы бронзового века Казахстана потребляли на регулярной основе растительную пищу, в том числе просо. Серпы и зернотерки с эпохи неолита указывают на обработку растений для приготовления пищи, а данные археозоологии — на потребление мяса крупного и мелкого рогатого скота и пресноводной рыбы. В итоге вырисовывается картина комплексного стабильного хозяйства и разнообразного питания.²¹ К аналогичным выводам привело исследование питания населения эпохи энеолита и бронзового века, обитавшего на территории Ставропольского края и Прикубанья.²² На стабильный образ жизни в эпоху бронзы в степной зоне указывают и данные антропологии.²³

Скотоводческий характер хозяйства населения степной зоны бронзового века определяется уверенно, однако это не означает автоматически, что оно вело кочевой образ жизни. Анализ памятников Северного Причерноморья от эпохи энеолита до позднего бронзового века привел Ю. Рассамакина к выводу

¹⁷ См.: Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002. С. 366–369.

¹⁸ См.: Kradin N. Nomads of Inner Asia in transition. Moscow, 2014. P. 21–28.

¹⁹ См.: Koryakova L., Epimakhov A. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. New York, 2007. P. 54, 55.

²⁰ См.: Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 264–274.

²¹ См.: Pokutta D. Food, Economy and Social Complexity in the Bronze Age World // *Musaica Archaeologica*. 2017. № 1. P. 34–38.

²² См.: Добровольская М. В. Человек и его пища. М., 2005.

²³ Шишлина Н. И. Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы. (V–III тыс. до н. э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. С. 46.

о том, что земледелие в этом регионе, независимо от климатических колебаний, было составляющей экономического развития на протяжении всего бронзового века. И для этого имеются ясные свидетельства. Ни усатовская, ни ямная культуры не были кочевническими. Также нет оснований причислять к ним и последующие культуры. Исследователь полагает, что кочевой образ жизни в причерноморских степях вело только то население, которое пришло туда, уже будучи кочевниками.²⁴ К. Бунятян посвятила специальную работу классификации типов скотоводства.²⁵ Это позволило ей провести обзорное, методически строго выдержанное исследование соотношения земледелия и пастушества в Северном Причерноморье в эпоху бронзы.²⁶ Она показала их динамический баланс в период ямной, катакомбной, сабагиновской, срубной культур, культуры многоваликовой керамики и белозерской культуры. На всех этапах ею отмечены особенности и генеральная линия развития каждой из археологических культур, отразившаяся на их хозяйственно-культурном типе. Подводя итог, исследователь констатирует, что скотоводство, скорее всего, всегда оставалось наиболее стабильной отраслью экономики, в то время как роль земледелия в степи менялась, значительно уменьшаясь в периоды кризисов.

Хозяйство эпохи бронзы, как в лесу, так и в степи, было комплексным: население обеспечивало себя всеми продуктами и растительного, и животного происхождения. А. Оутрам выразил удивление по поводу того, что в период освоения целины без ирригации были получены урожаи зерновых в степях Казахстана.²⁷ Степь не приспособлена для индустриального земледелия, но почвы, вегетация и климат степной зоны позволяют выращивать злаки без ирригации для натурального хозяйства. Как показывает история основания казацких крепостей и заселения малоземельными крестьянами степных просторов Россий-

ской империи от Черного моря до Алтайских гор в доиндустриальную эпоху, в XVII–XIX вв. лесные жители, переселившиеся в степи, не испытывали недостатка в землях, пригодных для их земледельческо-скотоводческого хозяйства и оседлого образа жизни.²⁸

Система аргументов и изотопный анализ. Нами неоднократно приводилась целая система аргументов, указывающих на оседлый образ жизни в эпоху бронзы на основе анализа археологических памятников волго-маньчских степей и на неправомерность определения образа жизни носителей ямной и катакомбной культур как кочевого.²⁹ Полученные результаты были подробно рассмотрены и оценены как обоснованные Ф. Коллем. Он поместил в своей книге две карты распределения памятников из нашей статьи «Welchen Kultur- und Wirtschaftstyp repräsentieren die bronzezeitlichen Funde in den Wolga-Manych-Steppen?» и процитировал все наши аргументы. Тем не менее Ф. Колль не смог выйти за рамки господствующей точки зрения и поэтому выразил неуверенность в том, насколько эти особенности характерны для остальных регионов степей Евразии.³⁰ К. Герлинг также согласилась с нашей аргументацией, оговорив, что выводы справедливы для региона волго-маньчских степей.³¹

Вывод о неправомерности определения образа жизни степного населения бронзового века как кочевого в последние годы был подтвержден результатами изотопных анализов, проведенных в разных концах евразийских

²⁴ См.: Rassamakin Y. The Eneolithic of the Black Sea Steppe. Dynamics of Cultural and Economic Development 4500–2300 BC // Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe. Cambridge, 1999. P. 59–157.

²⁵ См.: Бунятян К. П. Класифікація та типологія скотарства // Теорія та практика археологічних досліджень. Київ, 1994. С. 73–101.

²⁶ См.: Buniatyan K. On correlation of Agriculture and Pastoralism in the Northern Pontic Steppe Area during the Bronze Epoch // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe: Papers presented for the Symposium to be held 12–16 Jan 2000. Conference Papers. Cambridge, 2000. P. 30–40.

²⁷ См.: Outram A. Pastoralism // The Cambridge World History. Cambridge, 2015. Vol. 2. P. 161–185.

²⁸ См.: Артыкбаев Ж. О. История Казахстана. Астана, 2004; Белоусов С. С. Переселение крестьян в Калмыкию в XIX веке: дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

²⁹ См.: Очир-Горяева М. А. Дискуссионные проблемы изучения образа жизни и типа хозяйства волго-маньчских степей в эпоху бронзы // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 4–51; Она же. Рецензия. Сезонный экономический цикл населения Северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. М., 2000. // РА. 2002. № 4. С. 165–169; Она же. Соотношение географического расположения археологических памятников Волго-маньчских степей и особенности расселения в доиндустриальную эпоху // История и практика археологических исследований: материалы Международ. науч. конф. СПб., 2008. С. 339–343; Otchir-Goriaeva M. Buchbesprechung. N. Shishlina. The Seasonal Economic Cycle of the population of the North-Western Caspian region in the Bronze Age. A collective monograph edited by Publicatins of the State Historical Museum. 120. Moscow, 2000 // Eurasia Antiqua. Berlin, 2001. Bd. 7. S. 615–621; Idem. Welchen Kultur- und Wirtschaftstyp repräsentieren die bronzezeitlichen Funde in den Wolga-Manych-Steppen? // Eurasia Antiqua. Berlin, 2002. Bd. 8. S. 103–133.

³⁰ См.: Kohl P. L. The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge, 2007.

³¹ См.: Gerling C. Prehistoric Mobility and Diet in the West Eurasian Steppes 3500 to 300 BC. An Isotopic Approach. Berlin, 2015.

степей — в степях Предкавказья и в Северном Казахстане. Исследование памятников андроновской культуры показало, что и животные, и люди оставались в пределах своего микро-района; в любом случае речь не идет о мобильности.³² Вывод об отсутствии отдаленных миграций населения принесло и исследование памятников эпохи бронзы степной зоны Предкавказья.³³

Результаты естественнонаучных исследований археологических источников из одного региона степей Евразии можно экстраполировать на всю степную зону. Географическая протяженность евразийских степей в широтном направлении обуславливает сходство жизнеобеспечивающих ресурсов, что ведет к одинаковой стратегии проживания и стабильного развития. Поэтому утверждения Ф. Колля и К. Герлинг о строго локальном значении наших выводов противоречат географическим рамкам ямной и катакомбной культур, которые простираются от Северного Причерноморья до Приуралья.

Курганы оседлых и кочевых. Еще одним штампом является прочно укоренившееся в умах исследователей представление о том, что захоронения под курганом надо относить к кочевникам. Истоки этого представления кроются в однажды высказанном положении М. Гимбутас: «...a round kurgan (barrow) on top of It (grave. — М. О-Г.) is typical of the steppe belt of Eurasia. <...> The Kurgan culture is a phenomenon of the steppe and is linked with the mobility of the people, which developed after the domestication of the horse (...круглый курган (холм) на верху его (погребения. — М. О-Г.) является типичным для степного пояса Евразии. <...> Курганная культура является феноменом степи и связана с мобильностью населения, разившейся после domestikации лошади)».³⁴

³² См.: Subsistence and social change in Central Eurasia: stable isotope analysis of populations spanning the Bronze age transition / Miller V. A. [et al.] // Journal of Archaeological Science. 2014. Vol. 42, no. 1. P. 525–538; Miller V. A. Pastoral Mobility in Bronze Age landscapes of Northern Kazakhstan: 87Sr/86Sr analyses of human definition // European Association of Archaeologists (EAA) Annual meeting. 2017. Maastricht. Building Bridges. 30 August 3 September 2017. P. 196.

³³ См.: Reconstructing Bronze age pastoralist life in the North Caucasian piedmont zone using multi-isotope analysis Gerling C. [et al.] // European Association of Archaeologists (EAA) Annual meeting. 2017. Building Bridges. 30 August 3 September 2017. P. 203; Contextualising Innovation: Cattle Owners and Wagon Drivers in the North Caucasus and Beyond / Reinhold S. [et al.] // Appropriating Innovations: Entangled Knowledge in Eurasia, 5000–1500 BCE. Oxbow Books, 2017. P. 78–97.

³⁴ Gimbutas M. The Fall and Transformation of Old Europe: Recapitulation 1993 // The kurgan culture and the Indo-Europeanization

Между тем «феномен степи» курган был феноменом и леса, и лесостепи, и предгорий. До наших дней курганы больше и лучше сохранились в регионах с наименее плодородной почвой и, как следствие, с наименьшим развитием земледелия — в степной зоне и в северных регионах лесной зоны. Везде, где была плодородная почва, велась и ведется борьба за каждый участок для посевов, поэтому курганы заравнивались, запахивались. Речь идет о промежутке времени в несколько тысячелетий, когда были вырублены сплошные лесные массивы, а с ними исчезли и курганы.

С учетом сказанного захоронения в курганах не могут служить прямым доказательством кочевого образа жизни. Элитарные погребения в курганах практиковали оседлые народы вплоть до эпохи средневековья. Так, древнерусский могильник Гнездово насчитывал по разным подсчетам от нескольких сотен до 4000 курганов. Такими же многочисленными были и другие славянские (например, смоленские и черниговские) курганные могильники, расположенные в лесной зоне Восточноевропейской возвышенности. Знаменитый Черный курган, раскопанный Д. Я. Самоквасовым недалеко от Чернигова, достигал высоты 6–7 м и диаметра около 40 м. По золотым византийским монетам курган датируется 945–959 гг.³⁵

Наличие курганной насыпи продолжает служить археологам наиболее верным признаком кочевников. Так, знаменитые элитные курганные группы Золотого кладбища, расположенные вдоль среднего, равнинного, течения Кубани чересполосно с крупными меотскими городищами, исследователи без сомнений относят к сарматам, споря только о конкретном этническом названии (сираки, аланы и т. д.).³⁶ Между тем авторы публикации Золотого кладбища и погребений зубовско-воздвиженской группы И. П. Засецкая и И. И. Гущина указывали, что памятники оставлены «романизованными» местными варварами,³⁷ а в среднем течении Кубани местными были только оседлые меоты.

of Europe. Selected articles from 1952 to 1993. Journal of Indo-European Studies Monograph, N. 18. Washington, 1997. P. 354.

³⁵ См.: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.

³⁶ См.: Марченко И. И. Сираки Кубани (по материалам курганых погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996.

³⁷ См.: Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. С. 38–40.

Исследователями упускается из виду тот момент, что наиболее высокие и мощные насыпи курганов в западной части Евразии возводились как раз оседлым населением (например, большие майкопские курганы на Северном Кавказе, древнерусские курганы в лесах Восточноевропейской равнины). В степи же курганы сарматов и средневековых кочевников таких размеров достигали очень редко. Как показывают наши расчеты, в волго-маньчских степях среднестатистический курган кочевников уступает кургану бронзового века по размерам, сложности стратиграфии и количеству впускных однокультурных погребений. Курганные группы эпохи бронзы расположены, как правило, в виде многокилометровых цепочек, состоящих из десятков насыпей. Кочевнические же курганные группы намного малочисленнее, курганы в них расположены в виде скоплений.³⁸ Только в степях Северного Причерноморья курганы скифов превышают по высоте наиболее крупные курганы ямной культуры. Подобные формы и сложные конструкции подземных могильных сооружений с боковыми камерами, дромосами не встречаются более в евразийских степях. Но есть исследование, доказывающее, что для возведения царских курганов скифы приглашали греческих специалистов.³⁹ Этим, возможно, объясняется высокая степень стандартизации конструкций скифских курганов-гигантов.⁴⁰

«Бедная лошадь». Во всех работах, посвященных кочевому образу жизни, особое внимание уделяется роли лошади. Еще в 1955 г. в работе Ф. Ханчара был описан способ выпаса скота, когда лошади идут впереди, разгребая копытами снег, и тем самым добывают из-под снега траву для овец и коров.⁴¹ Описание этого метода повторяется в публикациях как мантра: он рассматривается как одно из условий кочевого образа жизни и как каждодневное явление. Мы уже отмечали, что на самом деле

это исключительная мера во время гололедицы или обильных снегопадов.⁴² Обычно табуны лошадей, отары овец и стада крупного рогатого скота выпасают как летом, так и зимой раздельно. «В экстремальные периоды кочевники вынуждены были прибегать к совместно-последовательному выпасу скота, который в обычное время не практиковался».⁴³ «При гололеде табун лошадей гоняли по льду до тех пор, пока лед не искрошится, или дробили лед с помощью больших бревен, привязанных арканом к лошадям».⁴⁴ Совместный выпас, когда впереди идут лошади, невозможен в течение длительного времени, поскольку уже через несколько дней это приводит к истощению табуна, падежу молодняка и выкидышам у жеребых кобыл. Экстремальные ситуации складывались не каждый год: «...в среднем, учитывая повторяемость джутов, кочевники прибегали к совместному выпасу скота в течение всего зимнего периода не чаще, чем *один раз в пять-шесть лет*».⁴⁵ В археологической литературе совместно-последовательный выпас скота в экстремальных условиях часто называется «тебеневкой», хотя тебеневка — это обычный раздельный выпас скота зимой (тюркоязычное слово «тебен», «тебень» означает «зимнее пастбище»). Таким образом, исключительное явление превратилось в постоянную эксплуатацию бедной лошади. А ведь это явление сравнимо с таким фактом из жизни русских переселенцев в степях Калмыкии, как скармливание скоту камышовых крыш их домов во время гололедицы и сильных снегопадов, когда начинался массовый падеж скота. Но ведь разборка крыш домов в зимнюю стужу не преподносится как каждодневное явление в жизни крестьян.

В статье рассмотрены только некоторые штампы и установки, распространенные в археологической литературе, с целью вызвать дискуссию, в которой рождается истина.

³⁸ См.: Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста, 2008. С. 141–157.

³⁹ См.: Tsetskhladze G. Who built the Scythian and Thracian Royal and Elite Tombs? // Oxford Journal of Archaeology. 1998. Vol. 17, iss. 1. P. 55–92.

⁴⁰ Очир-Горяева М. А. Устройство скифского кургана и его ориентация по странам света // КСИА. 2014. Вып. 233. С. 72–87.

⁴¹ См.: Hancar F. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Weiner beiträge zur kulturgeschichte und Linguistik. Wien, 1955. P. 59–72.

⁴² См.: Очир-Горяева М. А. Рецензия. С. 165–169.

⁴³ См.: Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы; М., 1995. С. 100.

⁴⁴ Там же. С. 101.

⁴⁵ Там же. С. 93.

Maria A. Ochir-Goryaeva

Doctor of Historical Sciences, Kalmyk Research Center of the RAS (Russia, Elista);
A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology Tatarstan Academy of Sciences (Russia, Kazan)
E-mail: mariaochir@gmail.com

NOMADIC LIFE IN THE STEPPE ZONE OF EURASIA:
ARCHAEOLOGISTS' PERCEPTIONS

The article provides a critical analysis of the most common clichés in archeologists' notions about the nomads of the Eurasian steppes and the nomadic way of life. When interpreting archaeological monuments, scholars are keen on romantic, biased perception of nomadic lifestyle, focusing on certain "exotic" features. Among them is the postulate of a mound as a sure sign of nomadic life. The author presents the facts when barrows were constructed by sedentary population, not only in the steppes, but also in other landscape zones. Attention is drawn to the misconception of a consistent-joint grazing of livestock in extreme conditions as a regular phenomenon in the winter period. In the Eurasia steppe zone, highly specialized nomadism could exist only if there was a developed system of sedentariness centers that appeared only in the early Iron Age. Owing to this, in the Bronze Age the steppe population could have only a complex subsistence economy and sedentary lifestyle, as confirmed in recent years by the results of isotope analyses. The peasant colonization of Russia's South steppes in the pre-industrial era is considered by the author as a vivid example of the fact that the natural and climatic conditions of the steppe make complex pastoral and agricultural economy and sedentary lifestyle possible.

Keywords: *Eurasian steppe, Bronze Age, Nomads, settlements, sedentary population, mounds, horses*

REFERENCES

- Artykbaev Zh. O. *Istoriya Kazahstana* [History of Kazakhstan]. Astana: Altın kitap Publ., 2004, 159 p. (in Russ.).
- Babenco V. A., Berezin Ya. B. [Sarmatian burials of the Aygursky 2 and Barkhanchak 2 burial grounds (North Stavropol region)]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza* [Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus]. Stavropol: B. i., 2009, pp. 279–320. (in Russ.).
- Bagaev M. Kh. [The place of the Caucasus landscape in the history of autochthons and nomads]. *Arkheologicheskiye pamyatniki rannego zheleznogo veka yuga Rossii* [Archaeological Monuments of the Early Iron Age of the South of Russia]. Moscow: IA RAN Publ., 2004, pp. 23–31. (in Russ.).
- Belousov S. S. *Pereseleniye krest'yan v Kalmykiyu v XIX veke: kand. diss.* [Peasants migration to Kalmykia in the 19th century: Diss. Cand.]. Moscow, 1992, 167 p. (in Russ.).
- Berezin Ya. B. [A coincidence or tragedy? (about one curious detail of the burial rite)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and studies on the North Caucasus archaeology]. Armavir: RITs AGPU Publ., 2012, vol. 13, pp. 48–60. (in Russ.).
- Berezin Ya. B. [Sarmatian burials from the territory of Pyatigorye (based on materials from the SUE "Heritage" excavations)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and studies on the North Caucasus archaeology]. Armavir: RITs AGPU Publ., 2007, vol. 8, pp. 67–100. (in Russ.).
- Berezin Ya. B. [Sarmatian burials on the territory of the Middle Terek River region (based on materials from the 1980s excavations)]. *Arkheologicheskii zhurnal* [Archaeological Journal]. Armavir: RITs AGPU Publ., 2010, no. 3/4, pp. 32–50. (in Russ.).
- Berezin Ya. B., Rostunov E. V. [Sarmatian burials of the Kobiysk cemetery]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and studies on the North Caucasus archaeology]. Armavir: RITs AGPU Publ., 2011, vol. 12, pp. 60–108. (in Russ.).
- Berlizov N. Ye. [On the existence of the Meoto-Sirak tribal union]. *Problemy otechestvennoy istorii i arkheologii* [Problems of domestic history and archaeology], 2014, no. 2 (53), pp. 72–75. (in Russ.).
- Bulkin V. A., Dubov I. V., Lebedev G. S. *Arkheologicheskiye pamyatniki Drevney Rusi IX–XI vv.* [Archaeological monuments of Ancient Russia of the 9th–11th centuries]. Leningrad: Izd-vo LGU Publ., 1978, 49 p. (in Russ.).
- Bynyatyan K. P. [Classification and typology of cattle breeding]. *Teoriya ta praktyka arkheolohichnykh doslidzhen'* [Theory and practice of archaeological research]. Kyev: Naukova dumka Publ., 1994, pp. 73–101. (in Ukrainian).

- Bynyatyayn K. On correlation of Agriculture and Pastoralism in the Northern Pontic Steppe Area during the Bronze Epoch. *Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Conference Papers*. Cambridge: Cambridge University, 2000, vol. 1, pp. 30–40. (in English).
- Chang C., Tourtellotte P., Baipakov K. M., Grigoriev F. P. The Evolution of Steppe Communities from the Bronze Age to Medieval Periods in Southern Kazakhstan (Zhetysay). (The Kazakh-American Talgar Project 1994–2001). Sweet Briar; Almaty: TOO “Print-S” Publ., 2002, 179 p. (in English).
- Chernikov S. S. [On the term “early nomads”]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief reports of the Institute for the History of Material Culture]. Moscow: IIMK AN SSSR Publ., 1960, vol. 80, pp. 17–21. (in Russ.).
- Dobrovolskaya M. V. *Chelovek i yego pishcha* [The Man and his food]. Moscow: Nauchnyy mir Publ., 2005, 367 p. (in Russ.).
- Gerling C. Prehistoric Mobility and Diet in the West Eurasian Steppes 3500 to 300 BC. An Isotopic Approach. Berlin: De Gruyter, 2015, 402 p. (in English).
- Gerling C., Knipper C., Reihold S., Berezina N., Buzhilova A., Nagler A., Alt K. W., Pichler S., Belinskij A., Hansen S. Reconstructing Bronze Age pastoralist life in the North Caucasian piedmont zone using multi-isotope analysis. *Building Bridges. Abstract book of the 23rd Annual Meeting of EAA 2017*. Schrijen-Lippertz; Voerendaal, 2017, p. 203. (in English).
- Gimbutas M. The Fall and Transformation of Old Europe: Recapitulation 1993. *The kurgan culture and the Indo-Europeanization of Europe. Selected articles from 1952 to 1993*. (Journal of Indo-European Studies Monograph, N. 18). Washington, DC: Institute for the Study of Man, 1997, pp. 351–372. (in English).
- Gryaznov M. P. [Some questions of formation and development of early nomads of Kazakhstan and South Siberia]. *Kratkiye Soobshcheniya Instituta Etnografii* [Brief reports of the Institute of Ethnography]. Moscow: Institut etnografii AN SSSR Publ., 1955, iss. 24, pp. 19–29. (in Russ.).
- Gushchina I. I., Zasetkaya I. P. “*Zolotoye kladbishche*” rimskoy epokhi v Prikuban'ye [“Golden Cemetery” of the Roman era in the Kuban River region]. Saint Petersburg: “Farn” Publ., 1994, 172 p. (in Russ.).
- Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Pena R. G., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S. L., Risch R., Rojo Guerra M. A., Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt K. W., Reich D. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*, 2015, vol. 522, pp. 207–211. (in English).
- Hancar F. *Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Wiener beiträge zur kulturgeschichte und Linguistik* [The horse in prehistoric and early historical times. Wiener contribution to cultural history and linguistics]. Wien: Institut für Völkerkunde der Universität Wien, 1955, vol. XI, 663 p. (in German).
- Heyd V. Kossina's Smile. *Antiquity*, 2017, vol. 91, iss. 356, pp. 348–359. (in English).
- Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Kalmykia from ancient times to the present day]. Elista: Gerel Publ., 2009, vol. 1, 848 p. (in Russ.).
- Khazanov A. M. *Kochevniki i vneshniy mir* [Nomads and the outside world]. Almaty: “Dayk-Press” Publ., 2002, 604 p. (in Russ.).
- Khazanov A. M. *Sotsial'naya istoriya skifov* [Social history of the Scythians]. Moscow: Nauka Publ., 1975, 344 p. (in Russ.).
- Klein L., Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Reich D., Kristiansen K., Sjögren K.-G., Allentoft M., Sikora M., Willerslev E. Discussion: Are the Origin of Indo-European Languages Explained by the Migration of the Yamnaya Culture to the West. *European Journal of Archaeology*, 2018, vol. 21, iss. 1, pp. 3–17. (in English).
- Kohl P. L. The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, 321 p. (in English).
- Koryakova L., Epimakhov A. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. New York; Cambridge: Cambridge University Press, 2007, 383 p. (in English).
- Kradin N. Nomads of Inner Asia in transition. Moscow: URSS: “Krasand” Publ., 2014, 296 p. (in English).
- Marchenko I. I. *Siraki Kubani (po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani)* [Siraki of the Kuban (on materials of the burial mounds of the Lower Kuban)]. Krasnodar: Kubanskiy gosuniversitet Publ., 1996, 335 p. (in Russ.).
- Masanov N. E. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva* [The Kazakhs' nomadic civilization: the basics of life of a nomadic society]. Almaty: “Sotsinvest” Publ.; Moscow: “Gorizon” Publ., 1995, 320 p. (in Russ.).

- Merpert N. Ya. *Drevneyshiy skotovody Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ya* [The oldest cattlemen of the Volga-Ural interfluvium]. Moscow: Nauka Publ., 1974, 173 p. (in Russ.).
- Miller V. A. Pastoral Mobility in Bronze Age landscapes of Northern Kazakhstan: 87Sr/q18O analyses of human definition. *Building Bridges. Abstract book of the 23rd Annual Meeting of EAA 2017*. Schrijen-Lippertz; Voerendaal, 2017, p. 203. (in English).
- Miller V. A., Haas K., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A., Privat K., Rosenmeier M. Subsistence and social change in Central Eurasia: stable isotope analysis of populations spanning the Bronze age transition. *Journal of Archaeological Science*, 2014, vol. 42, no. 1, pp. 525–538. (in English).
- Mozolevsky B. M. *Tovsta Mohyla* [Tolstaya Grave]. Kyev: Naukova dumka Publ., 1979, 252 p. (in Ukrainian).
- Mozolevsky B. N., Polin S. V. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV veka do n. e. Babina, Vodyana i Soboleva mogily* [The mounds of the Scythian Gerros of the 4th century BC. Babin, Vodyan and Sobolev graves]. Kiev: "Stilos" Publ., 2005, 624 p. (in Russ.).
- Ochir-Goryaeva M. A. [Research in the type of economy and lifestyle of the Volga-Manych steppe population in the Bronze Age: controversial issues]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2015, no. 2 (12), pp. 4–51. (in Russ.).
- Ochir-Goryaeva M. A. [Review. Seasonal economic cycle of the North-Western Caspian region population in the Bronze Age. Proceedings of the SHM. M. 2000]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2002, no. 4, pp. 165–169. (in Russ.).
- Ochir-Goryaeva M. A. [Settlements of the Eurasia steppe zone of the Scythian era]. *Aktual'nyye voprosy arkheologii i etnografii Tsentral'noy Azii. Materialy mezhdunarod. konf.* [Actual issues of archaeology and ethnography of Central Asia. Proceedings of the intern. conf.]. Irkutsk: Izd-vo Ottisk Publ., 2015, pp. 265–275. (in Russ.).
- Ochir-Goryaeva M. A. [The construction of the Scythian kurgan and its orientation to the countries of the world]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of Archaeology], 2014, iss. 233, pp. 72–87. (in Russ.).
- Ochir-Goryaeva M. A. [The relation of the geographical location of the Volga-Manych steppes archaeological monuments and peculiarity of settlement in the pre-industrial era]. *Istoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [History and practice of archaeological research: materials of the Intern. Scien. Conf.]. Saint Petersburg: Izd. dom SPbGU Publ., 2008, pp. 339–343. (in Russ.).
- Ochir-Goryaeva M. A. *Arkheologicheskiye pamyatniki volgo-manychskikh stepey (svod pamyatnikov, issledovannykh na territorii Respubliki Kalmykiya v 1929–1997 gg.)* [Archaeological monuments of the Volga-Manych steppes (collection of monuments investigated in the territory of the Republic of Kalmykia in 1929–1997)]. Elista: Gerel Publ., 2008, 299 p. (in Russ.).
- Otchir-Goriaeva M. [Book review. N. Shishlina. The Seasonal Economic Cycle of the population of the North-Western Caspian region in the Bronze Age]. *Eurasia Antiqua* [Eurasia Antiqua]. Berlin: Verlag Philipp von Zabern GmbH, 2001, vol. 7, pp. 615–621. (in German).
- Otchir-Goriaeva M. [What cultural and economic type do the Bronze Age finds in the Volga-Manych steppes represent?]. *Eurasia Antiqua* [Eurasia Antiqua]. Berlin: Verlag Philipp von Zabern GmbH, 2002, vol. 8, pp. 103–133. (in German).
- Outram A. Pastoralism. *The Cambridge World History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, vol. II, pp. 161–185. (in English).
- Pokutta D. Food, Economy and Social Complexity in the Bronze Age World. *Musaica Archaeologica*, no. 1, 2017, pp. 34–38. (in English).
- Prokopenko Yu. A. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury v Tsentral'nom Predkavkaz'ye vo vtoroy polovine I tys. do n. e.* [Scythians, Sarmatians and the Koban culture tribes in the Central Cis-Caucasus in the second half of the first millennium BC]. Stavropol: SKFU Publ., 2014, Part 2, 446 p. (in Russ.).
- Rassamakin Y. The Eneolithic of the Black Sea Steppe. Dynamics of Cultural and Economic Development 4500–2300 BC. *Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe*. Cambridge; McDonald Institute for Archaeological Research, 1999, pp. 59–157. (in English).
- Reinhold S., Gresky J., Berezina N., Kantorovich A. R., Knipper C., Maslov V. E., Petrenko V. G., Alt K. W., Belinsky A. B. Contextualising Innovation: Cattle Owners and Wagon Drivers in the North Caucasus and Beyond. Appropriating Innovations: Entangled Knowledge in Eurasia, 5000–1500 BCE. Oxford: Oxbow Books, 2017, pp. 78–97. (in English).

Shevchenko N. F. *Plemena Vostochnogo Priazov'ya na rubezhe er* [The Eastern Azov tribes at the turn of the era]. Rostov-on-Don: Al'tair Publ., 2013, 150 p. (in Russ.).

Shilov V. P. *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya* [Essays on the history of the Lower Volga ancient tribes]. Leningrad: Nauka Publ., 1975, 208 p. (in Russ.).

Shishlina N. I. [Potential seasonal-economic cycle of the Catacomb culture carriers of the North-Western Caspian Sea: the problem of reconstruction]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Proceedings of the State Historical Museum]. Moscow: GIM Publ., 2000, vol. 120, pp. 54–71. (in Russ.).

Shishlina N. I. *Severo-zapadnyy Prikaspiy v epokhu bronzy. (V–III tysyacheletiya do n. e.): avtoref. dokt. diss.* [The North-Western Caspian Sea in the Bronze Age. (5–3 millennium BC): Abst. Diss. Doct.]. Moscow, 2008, 48 p. (in Russ.).

Shishlina N. I., Azarov E. S., Dyatlova T. D., Roslyakova N. V., Bachura O. P., Plicht J. van der, Kalinin P. I., Idrisov I. A., Borisov A. V. [Innovative seasonal migrations and life support systems for mobile herders in the desert-steppe zone of Eurasia: the role of social groups]. *Stratum plus* [Stratum plus], 2018, no. 2, pp. 69–91. (in Russ.).

Shishlina N. I. *Reconstruction of the Bronze Age of the Caspian steppes. Life styles and life ways of pastoral nomads. BAR. International series, 1876.* Oxford: Archaeopress, 2008, 318 p. (in English).

Tsetskhladze G. Who built the Scythian and Thracian Royal and Elite Tombs? *Oxford Journal of Archaeology*, 1998, vol. 17, iss. 1, pp. 55–92. (in English).